

Prolog

— Я помню ту мидсоммарскую ночь. Он соединял родинки на моей спине в созвездия. Одно — созвездие Персея, два других — мои собственные. Я помню его руки — бронзовые, как будто впитавшие в себя тепло ушедшего лета. Я не видела больше таких рук. Я помню его первый депрессивный эпизод. Помню, как крепко прижимала его к себе; помню, как мне казалось, что я защищу его от любых невзгод, отгорожу ото всех бед. Помню его слезы. Помню, как впервые осознала, что любви никогда не бывает достаточно.

Я помню Рим. Я помню *его* в Риме. Я никогда не видела человека счастливее, чем он... В Риме. Я помню его кровь и свои руки. Его отчаяние и свое бессилие. Я помню его стыд.

— Ты помнишь так много!

— Нет, я ничего не помню. Совсем ничего.

Из к/ф «Мой мальчик-хамелеон»¹

¹ На самом деле такого фильма нет. Он существует только в мире этой истории и снят Йенни после всех событий, разворачивавшихся на страницах книги. Фильм автобиографичен. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

Капител 1

Серебристое небо, коробившееся от свинцовых туч, словно плотно закрытая крышка, круглилось над городом. Каждый раз, когда гром рокотал вдали, оно вздрагивало, трескалось едва заметно от страшного, протяжного грохота. И дождь широкой косой стеной обрушивался на покатые крыши домов, с монотонным шумом ударялся о выложенные брусчаткой дороги.

В тот субботний вечер даже жители Истада¹, привыкшие к капризам шведской весенней погоды, остались в своих сухих гостиных смотреть телевизор или неспешно пить кофе, весело беседуя с друзьями. Однако не во всех домах звучали смех и разговоры. Почти в самом центре города, за дружелюбным цветным фасадом, разрывались бомбы упреков и оскорблений. За старинными дверьми угасали чьи-то несбывшиеся мечты, разматывались клубки чьих-то сожалений.

¹ Истад — город в Швеции. — *Примеч. ред.*

Йенни шла прочь из дому по опустелому бульвару. Она еще не знала, куда идет и зачем. Ей было известно лишь то, что идти нужно как можно дальше от папиных криков, от маминых угроз.

Шаги ее, сначала быстрые, решительные, только две улицы спустя замедлились, стихли. Влажными от слез глазами Йенни разглядывала плывущие в темноте фонари, позолоченные светом ветви деревьев, прислушивалась к шелесту дождя. Ей стало вдруг спокойно, легко. Даже мелкая дрожь, пробежавшая по спине от холода, не могла омрачить ее странного, непривычного спокойствия. Дождь будто бы смыл с нее чувство вины за родительские ссоры, смыл яд их глубокого несчастья.

На пересечении Tegnégatan и Lembkegatan Йенни заметила мужскую фигуру — высокую и худощавую, кажущуюся невыносимо одинокой в сером потоке улицы. Йенни признала в юноше Акселя, своего одноклассника. Он несся в ее сторону, и под его ногами разбрызгивались лужи.

Аксель не обращал внимания ни на холодные капли дождя, хлеставшие его по коже, ни на сильные порывы ветра, срывающие с головы капюшон. Красивое, но бледное лицо его напоминало гипсовую маску. И в глазах-льдинках отражалась пустота — отчаянная, зимоподобная. Йенни насторожилась, уже открыла рот, чтобы поздороваться, спросить, что случилось, но Аксель прошел мимо, едва не задев ее плечом.

Она стояла на месте, глядела вслед удаляющемуся Акселю. Спустя четверть минуты он завернул за угол и растворился в синеве сгустившихся сумерек.

Дождь зашумел с новой силой, ветер стал пронзительнее, свирепее. Йенни вздрогнула и зарылась пальцами в черные вьющиеся от влаги волосы. На-

хмурилась. Волнение вспыхнуло в ней ярко — точно пламя восковой свечи.

«В той стороне кладбище, — подумала Йенни, и губы ее — мокрые и холодные — сжались в линию. — Но и парк ведь тоже...»

Только Йенни знала, чувствовала, что не в парк несли его ртутные ручьи холодных безлюдных улиц.

Сначала она решила: стоит догнать Аксея, узнать, что случилось и не нужна ли ему помощь. Йенни даже развернулась и двинулась вслед за ним. Но прежде, чем она дошла до угла, за которым он исчез, ее посетила опустошающая, но правдивая мысль: «Я, наверное, последняя, с кем он решил бы поделиться проблемами». Йенни замерла, ее плечи поникли, руки, прежде сцепленные в замок, безвольно повисли. Она ему никто, и не было у нее никакого права вторгаться в его жизнь. Осознание этого тем не менее не заглушило тревоги за Аксея.

Постояв недолго посреди улицы, под одиноким мигающим фонарем, Йенни развернулась и устало зашагала домой. Ее пальцы сжимали рукава насквозь промокшей куртки, зубы громко стучали.

* * *

...Йенни сидела в душном кабинете истории, но вместо того, чтобы слушать рассказ об условиях Столбовского мира¹, она думала о происшествии почти двухнедельной давности. Когда через три дня после их с Акселем столкновения Йенни наконец отважилась спросить, все ли у него хорошо, Аксель лишь улыбнулся и сказал удивленно: «Да, конечно! Все супер.

¹ Столбовский мир — мирный договор, который положил конец русско-шведской войне 1610–1617 гг. — *Примеч. ред.*

Просто я немного замотался на работе, поэтому выгляжу таким заматавшимся».

Она не верила его приветливой, но уставшей полуулыбке. С этой самой полуулыбкой Аксель появился в школе на следующий день после смерти отца. С этой полуулыбкой принимал соболезнования и после второй трагедии, обрушившейся на его семью. Йенни боялась этой полуулыбки — она ее ранила. Ведь семнадцатилетние мальчишки не должны так улыбаться.

Сейчас Йенни смотрела на Акселя, который откинулся на спинку стула и, глядя сосредоточенно на преподавателя, кратко записывал за ним в толстую тетрадь. Забравшись на стол, учитель энергично болтал ногами и с воодушевлением рассказывал об исторических предпосылках очередной войны с Россией. Йенни сидела в соседнем ряду, задумчиво рассматривая профиль Акселя: аккуратный, слегка вздернутый нос, четко очерченные губы, острые скулы. А затем ее взгляд остановился на перепачканных графитом пальцах, крепко сжимающих тетрадь. Ей показалось, это очень красиво. Она бы непременно вставила похожий кадр в один из своих фильмов.

Почувствовав на себе взгляд, Аксель приподнял голову и осмотрелся.

Йенни тут же уткнулась в учебник, и страницы суетливо зашуршали под ее пальцами. Мысли вновь унесли ее в тот холодный вечер — к пустым глазам-льдинкам, лужам на асфальте и одинокой до стеклянного звона в груди фигуре.

Луи, лучший друг Йенни, в шутку говорил, что она влюбилась в Акселя, и лишь поэтому его чувства и проблемы так ее волновали. Но на самом деле Йенни просто не могла пройти мимо человеческого

страдания — она понимала, что надо бы отвернуться, как отворачиваются прохожие от тела сбитого на перекрестке ребенка, спрятать скорее глаза, но она так не умела. Ее всегда сокрушала мысль о нестерпимой, точно свежий ожог, боли, которую ощущает человек, в момент отчаяния осознавший свою покинутость.

Она слишком хорошо помнила это чувство — горькое, страшное, беспросветное. И потому непоколебимо верила в то, что его можно облегчить молчаливым участием и заботой хотя бы одного человека.

Общение же с Акселем со средней школы сводилось исключительно к выполнению совместных проектов по биологии, экономике и шведскому языку. Еще как-то раз, в начале второго курса, Йенни снимала короткометражку о буллинге на конкурс, и Аксель согласился сыграть одну из главных ролей. Впрочем, тогда в проекте участвовал почти что весь гимназиям — на съемках было весело, интересно, и это не требовало никаких усилий от «актеров».

Теперь Йенни подперла подбородок рукой и устремила взгляд в окно: на чистую лазурь, льющуюся на приземистые крыши домов, на синеющий вдали кусочек моря, на покачивающиеся изумрудные верхушки сосен... Неожиданно даже для самой себя Йенни вдохновилась на съемки новой короткометражки, замысел которой давно уже не давал ей покоя. Она принялась лихорадочно записывать в тетрадь по истории идею, отрывки диалогов между еще даже не существующими героями. За свои восемнадцать лет Йенни преуспела в том, чтобы виртуозно игнорировать реальный мир, спрятавшись от него за непробиваемыми стенами своей фантазии.

Но обратно на землю ее вернул скрипучий голос учителя, растягивающий слова на стокгольмский манер:

— Итак, Йенни, подведи, пожалуйста, итоги *ингерманландской войны* 1610–1617 годов.

Густав скрестил руки на груди и выжидательно уставился подслеповатыми серыми глазками на одну из своих самых прилежных учениц.

Йенни с неохотой поднялась с места. Она сглотнула, прикусив губу. Взгляды одноклассников были прикованы к ней — ребята глядели на Йенни с недоумением и любопытством: не могла ведь отличница прослушать все, о чем рассказывали на уроке! Внимая настойчивому голосу паники, она окончательно растерялась и сконила голову. Пунцовый румянец расплылся по лицу.

— В результате заключения Столбовского мира Швеция получила выход к Балтийскому морю, — донесся до Йенни чей-то мягкий, осторожный шепот.

Она повернула голову и обнаружила, что ее спасителем оказался Аксель. Он, обернувшись, смотрел на Йенни и подбадривающе улыбался.

— Ну же, Йенни. Я говорил об этом две минуты назад!

— В результате заключения Столбовского мира Шведское королевство получило выход к Балтийскому морю, — тихо проговорила она, с благодарностью глядя на Акселя. Тот удовлетворенно кивнул в ответ.

— Хорошо. А при каком короле это произошло?

— Густав II Адольф и Карл... — только и успел прошептать Аксель. В этот раз преподаватель расслышал его слова.

— Аксель, если бы я хотел, чтобы ты ответил, то непременно спросил бы тебя. А так как я этого не сде-

лал, то будь добр, молчи и не мешай отвечать другим. Йенни, садись! — недовольно пробулькал учитель и нетерпеливым жестом приказал Йенни сесть на место. Напоследок он смерил ученицу строгим взглядом, давая понять, что недоволен ею. — Прослушать такой материал! — воскликнул он, театрально вскинув руки к небу. — Это же надо умудриться!

В отличие от остальных учителей, Густав не только не терпел наплевательского отношения к своему предмету, но и воспринимал отсутствие у учеников интереса к истории едва ли не как личное оскорбление.

Йенни шумно упала на стул и вздохнула то ли от облегчения, то ли от жгучего стыда. Но испорченное настроение преподавателя волновало ее в последнюю очередь. Сейчас Йенни было совестно за то, что Акселю из-за нее влетело. Она виновато смотрела однокласснику в спину несколько минут, но он так и не обернулся к ней.

Поэтому, как только преподаватель объявил о конце урока, Йенни первым делом подошла к Акселю, который молча укладывал учебные принадлежности в рюкзак.

— Спасибо за то, что выручил, — переминаясь с ноги на ногу, произнесла она достаточно громко, чтобы Аксель услышал ее. Щеки Йенни пылали ярким январским заревом. — И прости за то, что тебя ругали из-за меня. Мне реально стыдно за это.

Аксель оторвался от своего занятия и перевел невозмутимый взгляд зелено-голубых глаз на Йенни.

— Ничего страшного. Забей, — ответил он, пожимая плечами.

Несмотря на довольно дружественные взаимоотношения, Аксель и Йенни все еще испытывали некоторую скованность при случайных встречах и разговорах. Они

по-прежнему ничего практически друг о друге не знали — все равно что незнакомцы. Но Аксель умел скрывать легкую растерянность при виде Йенни и всегда вел себя естественно и раскрепощенно. Йенни же с трудом удавалось даже такое малозначительное притворство.

— Мне ужасно неудобно. И я понятия не имею, как себя в таких случаях вести. Обычно это я помогаю. По крайней мере, стараюсь.

— Помогает и при этом не палишься, — заметил Аксель. — Не то что я.

— Эх, годы практики, годы практики, — назидательно проговорила Йенни. Лицо ее снова осветила застенчивая улыбка. — Но все равно спасибо.

— Да ладно тебе. Я был в долгу за то, что ты спасла мне жизнь на прошлой неделе. Нет, серьезно, я бы никогда не понял, в чем смысл этой идиотской новеллы. И уж тем более не написал бы сочинение. Фактически, мы, конечно, написали его вместе... Еще и в половине двенадцатого ночи.

— Ой, забей, — сказала Йенни, склонив голову набок. — Я всегда рада помочь. Тем более идиотские новеллы, дебильные рассказы, странные стихи — это все по моей части.

— Знаешь, Йенни, ты забавная, — неожиданно заявил Аксель и по-доброму усмехнулся, закидывая рюкзак на спину.

В ответ на эту реплику Йенни округлила глаза, вскинула удивленно брови.

— Я? Что ж, тараканы в моей голове польщены. — Она сделала книксен, утрируя движения для пущей выразительности, и захихикала, хватаясь за подол вообразимого платья.

Аксель не мог сохранить серьезное выражение лица, видя, как забавно Йенни изображает поклон

с приседанием. На долю мгновения стена неловкости и смущения, существовавшая между ними, растаяла, точно сахарная пудра на кончиках пальцев.

— Ой, тебе, наверное, пора идти, — спохватилась Йенни. Она улыбнулась и кивнула в сторону приоткрытой двери, откуда торчала макушка Оскара.

Аксель как будто бы слегка разочарованно посмотрел на друга, а затем повернулся к Йенни.

— Ладно, пока. Точнее, до завтра, — проговорил он быстрее, чем ему хотелось.

— Ага. Пока.

Йенни поджала губы и помахала однокласснику на прощанье. Аксель улыбнулся и, не произнеся больше ни слова, торопливо вышел в холл, где толпилось несколько десятков гимназистов.

Йенни небрежно смахнула свои вещи с парты в рюкзак цвета хаки и поплелась к двери. В коридоре ее уже ждал Луи.

Капител 2

Луи стоял, оперевшись спиной о белоснежную стену, и качал головой в такт музыке, игравшей в левом наушнике. Он был высоким и худощавым, по-мальчишески угловатым и неловким. Лицо его имело привлекательные, но нетипичные для шведов черты, которые он унаследовал от отца-француза. На персиковой коже, точно россыпь звезд, темнели крохотные родинки. Глаза Луи напоминали два крупных голубых агата — полупрозрачные, блестящие. Его медового цвета локоны всегда были зачесаны назад, но челка упрямо выбивалась из прически, сколько бы Луи ни пытался ее уложить.

Завидев друга, Йенни направилась в его сторону, лавируя между спешащими домой учениками. Луи цепким взглядом выловил ее белую футболку Guns'n'Roses в беспорядочно передвигающейся толпе задолго до того, как Йенни приблизилась к нему.

— Какие люди! — сказал он, когда подруга остановилась напротив. Луи раскинул руки в стороны в приветственном жесте.

— И тебе привет, — отозвалась Йенни. Она улыбнулась, схватила Луи под локоть и потащила его прочь из школы.

— Идем сегодня ко мне, да? — спросил Луи, когда здание гимназиума осталось алеть позади.

— Ну да, вроде. А что? Если у тебя нет других планов, конечно. — На последних словах она понизила голос, повела комедийно бровями.

Луи рассмеялся и пару раз покачал головой. Стоило ему немного улыбнуться, как на щеках у него прорисовывались ямочки. Йенни находила это особенно умильным.

— Когда у меня в последний раз были какие-то планы?! И вообще, мы не решили, чем займемся. — Он с задумчивым видом приложил указательный палец к подбородку. — Можем досмотреть «Твин Пикс», устроить киномарафон, глянуть что-нибудь из «Золотой коллекции» или тупо рубиться в приставку до потери пульса. Я вчера наконец купил Flatout 4. Решил без тебя даже не прикасаться к ней.

— Как это мило с твоей стороны! — съехидничала Йенни. — Можем сделать хоть все сразу. У меня весь вечер свободен.

— У тебя, может, и свободен весь вечер, а мне огромное сочинение задали.

— Пф-ф, Луи, ты так говоришь, будто помнишь, когда в последний раз писал сочинения сам. Мы же оба знаем, что писать его придется мне. — Она картинно закатила глаза со скорбным видом.

— Ой, да брось, иногда мне приходится писать сочинения в школе, прямо на уроке. Там же ты мне не помогаешь!

— Да что ты такое говоришь! Напомнить, как на прошлой неделе ты писал сочинение на уроке? Кто

ушел на математике в туалет и почти весь урок там проторчал, чтобы напечатать тебе сочинение и скинуть на почту?

— Ну... ты. Но это не значит, что я *всегда* злоупотребляю твоей помощью.

— Конечно, не значит!

— Ой, да ну тебя. Ты просто невыносима.

Луи махнул рукой, но не смог сдержать улыбки, обнажив белоснежный ряд зубов с немного выпирающими клыками.

Йенни вновь взяла друга под локоть, прижалась теплой щекой к его твердому плечу. Легкий апрельский ветер ласково обдувал лица друзей, безобидные лучи весеннего солнца, едва пробивающиеся сквозь светло-серую пелену неба, упорно тянулись к влажной после утреннего дождя земле. Остаток пути ребята шли в молчании.

Дом Луи находился в нескольких кварталах от школы, точно лесной великан, покрытый густой изумрудной лозой, он стоял на краю улицы. В такое время дома никого не было. Родители Луи еще не вернулись с работы, а Ингрид, его младшая сестра, пропадала в центре города со своими подругами.

Зато каждый день с обожанием, на какое способны только собаки, друзей встречала Марта, старый золотистый ретривер, подаренный Луи на тринадцатилетие. Она всегда послушно ждала хозяев у самой двери, со скучающим видом грызла расходящуюся по швам кроссовку Луи. Но стоило кому-то из семьи переступить порог, как Марта стремительно вскакивала с места и запрыгивала на него или нее, энергично виляя пушистым хвостом.

Вот и сегодня не успели друзья войти в прихожую, как собака кинулась к ногам Луи, упираясь мордой ему в колено.